
Незванным гостем дождь пришёл в сады,
он разговорчив был и ласков, и упрям.
Он целовал кресты тепличных рам,
былых обид зализывал следы...

Холодных пальцев трепет по листве —
по нежной плоти, солнцем опалённой...
сад отзывался,
с женщиной влюблённой
он уличён был в сходстве и родстве...

Дождь ликовал, и вторил сад,
смеясь
над страхом прежним — зацвести не в пору.
И не было конца их разговору...
И удивительна была меж ними связь...

Бывает лишь один ночной
час безмятежный,
сон младенца...

И душно пахнет летом — в сенцах,
и петухи — на полотенцах,
и ноздреватый хлеб — печной.

Бывает час — ах! — мало, мало...
когда из городских сует
сорвёшься за город,

но нет —
назад не отмотаешь лет,
и не тебя покличет мама.

И не твоей рукою гвоздь —
рукой сноровистой —
в заборе...

Пока тебя носило в море
житейском,
дом на косогоре —
твой дом —
уже и вкривь, и вкось.

И мальчуган — макушка-рожь,
и у сестрёнки — две косички...
чужое детство, быт, привычки.
За час всю жизнь переживёшь.

Проснувшись,
нервно ищешь спички...
И маму жалобно зовёшь...

В упор расстрелян августовским днём,
его затишьем, мертвенностью.

Рано

унынье осени почудилось мне в нём,
в мольбе калитки, в ржавчине шафрана.

И навзничь — небо целовать,
оно

в такие дни бездонно-сиротливо,
и пить вишнёвое —
по-братски с ним — вино,
некрепкое — закатного разлива.

Вплывая в сон,

среди десятка лиц
тебя увидеть и позвать...

и тонко

вдруг заскулить,
и с сеточки ресниц
слезу смахнуть с обидою ребёнка.

Ты тоже знаешь, как душа болит,
и слёзы,
что не выплаканы,
жгучи,
дни ожидания невысказанно тягучи,
ночей бессонных холоден гранит.

Ты тоже знаешь, сколько звёзд в ночи,
в коротких письмах — запятых и точек,
и как в груди неистов молоточек,
когда за дверью вдруг гремят ключи.

Ты тоже знаешь — можно не любя,
а можно и без слов — и в поле ветер...
Но знаешь ли — вся жизнь в простом ответе —
«я тоже по тебе...», «и я тебя...»

В дожде осеннем улови момент,
когда из шума музыка родится;
а по дорожкам парка заструится
листвы и капель хрупкий позумент.

В тоске вечерней не ищи подруг
и — хладнокровной стрелкой в циферблате —
не сожалея о временной утрате,
среди тополей свой совершая круг...

В разлуке долгой вспомни города,
где лабиринты улиц — как награда;
«куда» — не важно, просто — в ночь (так надо!),
где в каждой луже лунная слюда...

В луче фонарном чей-то силуэт
под зонтиком; и музыка струится...
Но этот дождь, увы, не повторится,
и тополей уж тех, должно быть, нет...

Тебе к лицу сентябрьский наряд —
созвездие мимозы, гроздь рябины,
дождя стеклярус, что терзает спины
ссутулившихся отплодивших гряд.

Нагих садов растерянность и боль,
и в каждой ветке — нерв живёт и бьётся.
Но в потемневшем зеркале колодца —
всё то же небо — вечное! — изволь...

Тебе к лицу и золото, и медь,
и седина предутренних туманов...
И разжигашь ты пожар шафранов —
мои ладони обогреть...

А в августе была гроза,
гроза бедой грозила саду.
И он, цепляясь за ограду,
тарачил вишнями глаза.

Метался флоксов пёстрый рой
под молний беспощадным жалом.
А сад шафрановым пожаром
пылал, недрогнувший герой.

Отвесный дождь гулил в тазу,
на ветках вис бесцеремонно.
А сад стоял понуро-сонно,
и эту пережив грозу.

Мой сад! — ещё жива в нём сила,
неиссякаемы дары.
Душа цветёт, и те костры
судьбы гроза не погасила.

Из всех свобод я выбрала любовь,
она всегда мне отвечала светом,
весной и осенью, зимой и летом.
Из всех свобод я выбрала любовь.

Из всех наград я выбрала любовь.
Любовь — люблю — любить — любя — любовно.
До самоотречения. Безусловно.
Из всех наград я выбрала любовь.

Из всех утрат я выбрала любовь,
в разбитом сердце мудрость прорастает,
как Бог, как вздох, негромкая, простая.
Из всех утрат я выбрала любовь.

Из всех высот я выбрала любовь,
из всех страстей, религий, заблуждений,
из казней всех земных, из наслаждений.
Из всех высот я выбрала любовь.